

Мастрюк Темрюкович

В Годы прежние,
Времена первоначальныя,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменнóй Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую
Царицу благоверную.
А и царскова поезду
Полторы было тысячи:
Князи-бóяра, могучие богáтыри,
Пять сóт донских казаков,
Что н(и) лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрыя,
Через грязи смоленския,
Через леса брынския,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича.
Он пóнел, царь-государь,
Царицу благоверную
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней

Три ста́ татаринов,
Четыре ста́ бухаринов,
Пять сот черкашенинов
И любимова шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодова черкашенина.
Уж царскова поезду
Без малова три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну́ Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрыя,
Грязи смоленския
И леса брынския,
Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменнóй Москве,
Во полатах белокаменных.
В возлюбленной крестовой своей
Пир навеселе повел,
Столы на радостех.
И все ли князи-бóяра,
Могучие богатыри
И гости званья,
Пять сот донских казаков
Пьют-едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают,
А един не пьет да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел.
И только он думает,

Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,
Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
«А и гой еси, царь-государь,
Царь Иван Васильевич!
Все князи-бояра,
Могучие богатыри
Пьют-едят, потешаются
На великих на радостех,
Один не пьет, не ест
Твой царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин —
У себя он на уме держит,
Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною».
Говорит тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,
Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулачкам».
Он будет, дядюшка
Никита Романович,
Середь Урья Повол[ж]скова,
Слободы Александровы, —
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые¹,

А платья саксонское,
Сапоги с рострубами²,
Аб ручку-ту дядюшке челом³:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович,
Ково ты спрашиваешь?
Мы борцы в Москве похваленые.
Молодцы поученые, славные!»
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты, Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить,
Смет(ь) ли н[а]га спустить
С царским шурином,
И смет(ь) ли ево побороть?».
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубела
Во полате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты, Никита Романович,
Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
Борцов ученых,
Молодцов похваленых,
И в том им приказ отдавай,
Кто бы Матрюка поборол,
Царскова шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагова с круга спустил,
А нагова, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Матрюк борцов,
Скачет прямо Матрюк
Из места большева,
Из угла переднева

Через столы белод[у]бовы,
Через ества сахарныя,
Через питья медяныя,
Левой ногой задел
За столы белодубовы.
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:
Живы да не годны,
На карачках ползают
По полате белокаменной —
То похвальба Матрюку,
Матрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Матрюк
На крылечка красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышел царь-государь:
«А свет ты, вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!».
С борцами сходится
Матрюк Темрюкович,
Борьба ево ученая,
Борьба черкасская,
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-бóяра
И могучие богатыри,
Пять сот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царскова шурина,
Похвалил ево царь-государь:

«Исполать тебе, молодцу,
Что чиста борешься!».
А и Мишка к стороне пошел, —
Ему полно боротися.
А Потанька боротья пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю:
Мастрюк без памети лежит,
Не слыхал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пять сот рублей
Без единые денежки,
А платья саксонскова
Снял на три тысячи —
Со стыду и сорому
О карачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
«Свет ты, вольной царь
Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра́
До любимова шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенской,
Почто он платья снимает?».
Говорил тут царь-государь:
«Гой еси ты, царица во Москве,
Да ты, Марья Темрюковна!

А не то у меня честь во Москве,
Что татары-те борются,
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил,
Да люби бы я, пожаловал
Двух братцов родимых,
Двух удалых Борисовичев».

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.:
Наука, 1977.

1 Поднятые кверху, закрученные.

2 Одежда как у скоморохов.

3 Кланяются как скоморохи, «люди вежливые и очестливые». — П. В.
Киреевский.